ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ характеристикѣ императора Николая I.

НѢ БЫЛО всего пять лѣтъ, когда моя покойная мать, бывшая воспитанница Смольнаго монастыря, вышла къ обѣду въ черномъ платьѣ и съ заплаканными глазами; мы, дѣти, видѣли ее первый разъ въ черномъ и въ слезахъ, и, конечно, стали ее спрашивать, о чемъ она плачетъ и отчего въ «скучномъ платьѣ». Она намъ отвѣчала, что государь скончался, и прибавила, когда мы не поняли, какое отношеніе имѣетъ смерть государя къ нашей семьѣ: «когда подростете, то вы узнаете, что сдѣлалъ государь для вашего дѣда и отца». Понятно, что потомъ мы много разъ слыхали эту чудесную повѣсть милости, великодушія и рыцарства государя, и я увѣрена, что много, очень много въ Россіи есть дворянскихъ семей, облагодѣтельствованныхъ такъ или иначе государемъ. Дѣдъ мой, Григорій Михайловичъ Лопатинъ, былъ сынъ виленскаго воеводы Михаила Лопатина. Гдѣ онъ учился—не знаю, но во время отечественной войны за отличіе былъ произведенъ въ полковники, а возвращаясь изъ Парижа въ 1814 году, получилъ командованіе полкомъ; ему въ то время было около 30 лѣтъ. Не знаю, куда слѣдовалъ полкъ на зимнія квартиры, но знаю, что побѣдоносное войско встрѣчали вездѣ съ тріумфомъ. Такимъ образомъ, проходили они черезъ гор. Торопецъ, Псковской губ., гдѣ въ то время былъ предводителемъ дворянства Александръ Алексѣевичъ Челищевъ, человѣкъ богатый, хлѣбосольный и отецъ красавицы дочери Капитолины Александровны, которой тогда было всего 13 лѣтъ. Предводитель дворянства, конечно, пригласилъ къ себѣ въ «Подгород-

ное» полкового командира и всѣхъ офицеровъ. Долго ли они тамъ пировали — не знаю, но, вѣроятно, не долго, такъ какъ полкъ долженъ былъ выступить, а дѣдъ мой настолько успѣлъ влюбиться въ бабку, что, боясь отказа, уѣзжая изъ «Подгороднаго», написалъ письмо будущему тестю, прося, въ случаѣ согласія, послать ему верхового на такую-то станцію. Предложеніе было принято, и жениха вернули. Влюбленный полковникъ полетѣлъ къ невѣстѣ, вѣроятно, думая на другой же день догнать полкъ и не передалъ командованія старшему послѣ себя офицеру, нѣмцу по происхожденію, который считалъ себя давно обиженнымъ по службѣ, а можетъ и предпочтеніемъ красавицы Челищевой, и не принялъ начальства. Полкъ, привыкшій къ нѣкоторой распущенности послѣ побѣдъ, разбрелся по окружнымъ деревнямъ, забирая вездѣ все, что нужно и не нужно. Дѣдъ думалъ, что уѣдетъ изъ «Подгородней» на другой же день, но не тутъ-то было — старинное русское хлѣбосольство, да еще по такому важному случаю, какъ сговоръ любимой дочери, взяло много времени, и на всѣ заявленія дѣда, что ему надо догонять полкъ, онъ получалъ отъ будущаго тестя отвѣтъ, что «полкъ не иголка — не потеряется», и не дождаться такой-то и такой-то важной родственницы для параднаго сговора — преступленіе, и дѣдъ оставался. Когда, наконецъ, онъ выѣхалъ, то полка нигдѣ не нашелъ: по дорогѣ до Осташковскаго уѣзда, Тверской губ., полкъ весь растаялъ, и дѣдъ въ отчаяніи остался съ незначительнымъ числомъ солдатъ въ деревнѣ, гдѣ была назначена стоянка полку (деревня эта называется Лопатино). Мало-по-малу начали собираться части полка, но вмѣстѣ съ ними начали поступать и требованія денегъ отъ помѣщиковъ и городовъ по квитанціямъ за забранный фуражъ, такъ какъ передъ этимъ было объявлено, что за все продовольствіе войска будетъ уплочено казною. Конечно, цѣны были назначены произвольно высокія и, такимъ образомъ, взысканіе съ моего дѣда равнялось нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ на ассигнаціи и, кромѣ того, надъ нимъ было наряжено слѣдствіе, какъ надъ преступникомъ по службѣ. Дѣдъ, сознавая свою фактическую вину, все это подробно и откровенно написалъ великому князю Николаю Павловичу, не прося помилованія, а лишь объясняя нравственную причину. Что же сдѣлалъ великій князь? Онъ лично просилъ государя объ его помилованіи и изъ своей собственной шкатулки заплатилъ весь долгъ, который бы разорилъ дѣда моего, тогда уже женатаго; но этого мало, послѣ смерти дѣда, государь, по восшествіи на престолъ, вспомнилъ облагодѣтельствованнаго имъ дѣда и приказалъ написать его вдовѣ, которая пережила дѣда всего на нѣсколько мѣсяцевъ, что всѣхъ дѣтей покойнаго государь принимаетъ въ казенныя учебныя заведенія на свой личный счетъ. Такимъ образомъ отецъ мой, бывшій смоленскій губернаторъ, Алекс. Григор. Лопатинъ, воспитывался на счетъ государя, и легко понять, какъ глубоко и свято въ нашей семьѣ почитается память государя, такъ трогательно и рыцарски спасшаго и честь и состояніе дѣда.

Капит. Алекс. Энгельгардтъ, урожденная Лопатина.

Ментона, 1899.